
Аллия Лонг
КАПУЧИНО
НА КОСТЯХ
ПОВЕЛИТЕЛЯ

Амалия Лонг

Капучино на костях Повелителя

«Литнет»
2026

Лонг А.

Капучино на костях Повелителя / А. Лонг — «Литнет», 2026

«Я умерла от кофе, чтобы стать тёмной владычицей. Ирония, да?» Теперь я — Равенна Мрачная, жена мертвого Повелителя, владелица разваливающегося замка и армии из одного скелета в фартуке. А ещё у меня есть проклятый Дневник, который каждое утро пишет: «Убей, разрушь, покарай». За невыполнение — вырывает страницы, а с ними — мою память, вкус, смелость. Но я не собираюсь быть злодейкой. Я открываю кофейню в подземелье. Вместо жертвоприношений — латте с корицей. Вместо походов на деревни — поставки зерна в счёт налогов. Всё идёт по плану, пока в мою кофейню не заявляется инквизитор Эдвин — тот самый, кто испепелил моего мужа. Он садится за столик и говорит: «Я знаю, кто вы. Но сейчас мне нужен только кофе. И ваше сердце — тоже». Проблема? Мой Дневник требует его смерти. А я… кажется, влюбляюсь в своего палача. Кофейня на костях Повелителя — место, где варят самый опасный напиток в мире. ⚠# Здесь юмор, немного магии и очень горячий кофе. Осторожно, обжигает.Ставь ♥#, добавляй бб, если так же любишь кофе ☕#, как любит его Повелительница Тьмы Ревенна Мрачная ☹# ПОДПИСКА!

© Лонг А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 1.1 7
Глава 2 10
Глава 2.1 13
Глава 3 15
Глава 3.1 18
Глава 4 20
Глава 5 22
Глава 6 24
Глава 7 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Глава 1

Я захлебнулась кофе.

Знаете, есть люди, которые умирают героически — в огне сражений, спасая детей из горящих домов, закрывая грудью амбразуру. Есть те, кто уходит тихо и мирно — в кругу семьи, под звуки любимой симфонии, держа за руку внуков. А я захлебнулась латте с карамельным сиропом в собственной кофейне в час пик, потому что какой-то козёл с рюкзаком задел локтем мою руку, когда я уже подносила чашку к губам.

Крышка, как назло, оказалась плохо защёлкнутой. Горячая сладкая жижа хлынула в горло не в ту сторону, я закашлялась, попыталась вдохнуть — и вместо воздуха получила пену. Помню, как дико хватала ртом воздух, как перед глазами заплясали чёрные мухи, как в ушах зашумело, а последняя мысль была до обидного банальной: «Как же я не допила этот грёбаный кофе».

И всё. Темнота. Тишина. Никакого белого света, никаких ангелов с арфами, никаких чертей с вилами. Просто — пустота. Как будто кто-то щёлкнул выключателем, и меня не стало.

А потом — бац! — и я снова есть.

Резкий, как удар током, переход от небытия к существованию. Я открыла глаза и уставилась в потолок. Не в свой — в моей московской студии потолок был белый, с трещиной в углу и следом от протекавшей крыши. А этот был тёмно-серый, каменный, с высеченными на нём непонятными рунами, которые слабо мерцали багровым светом.

Я лежала на чём-то жёстком, напоминающем каменное ложе, и пахло здесь… странно. Смесью старого пепла, сырости и ещё чего-то сладковато-приторного, будто кто-то пролил духи на гниющие ткани. Голова раскалывалась, словно я вчера приняла на грудь литр дешёвого вискаря, хотя на самом деле я вообще не пью алкоголь — только кофе, много кофе.

«Интересно, — подумала я, пытаясь сфокусировать зрение, — в аду тоже есть проблемы с сантехникой? Или я в раю, где решили сэкономить на ремонте?»

Я попыталась сесть. Тело слушалось с трудом, как будто я пролежала в этой позе несколько лет. Кости хрустнули, мышцы заныли, и я с удивлением заметила, что руки у меня… другие. Бледные, с длинными тонкими пальцами, на одном из которых красовался массивный перстень с чёрным камнем. Мои руки были коренастее, с короткими ногтями и вечными мозолями от постоянного мытья посуды. А эти — аристократичные, холёные, будто у девушки, которая никогда не прикасалась к горячей посуде.

— Охренеть, — сказала я вслух. И замерла. Голос тоже был не мой. Ниже, с хрипотцой и странной тягучестью, которая звучала одновременно пугающе и завораживающе.

Вместо ответа раздался скрип. Я повернула голову — и обомлела. В дверном проёме, затянутом паутиной, стоял скелет. Самый настоящий человеческий скелет, облачённый в потрёпанный фартук, на котором когда-то красовалась надпись, но буквы стёрлись до неузнаваемости. Череп слегка наклонился, нижняя челюсть клацнула, и скелет сделал шаг вперёд, держа в костлявой ладони медный поднос с каким-то пыльным кувшином.

Я завизжала. Ну, то есть попыталась завизжать, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип, похожий на кашель столетней ведьмы. Скелет остановился, поставил поднос на край каменной кровати, поклонился — с таким изяществом, что ему позавидовал бы любой дворецкий, и… заговорил. Вернее, он не говорил, он издавал звуки, похожие на скрежет костей, но в моей голове они складывались в слова.

— Госпожа, вы очнулись. Это хорошо. Я уже начал волноваться, не сгорели ли вы вместе с Повелителем.

Я уставилась на скелета, пытаясь осознать происходящее. Паника нарастала, как лавина. Я же умерла. Я точно умерла — помню, как захлебнулась, как вокруг суетились люди, как кто-

то кричал «Скорую!». А теперь я в каком-то замке, в теле с длинными пальцами, а передо мной клацает челюстями скелет в фартуке.

— Повелитель? — выдавила я. — Какой ещё Повелитель?

Скелет выпрямился (насколько может выпрямиться скелет, у которого нет позвоночника, но есть куча суставов), и его череп слегка качнулся в недоумении.

— Вы шутите, госпожа Равенна? Повелитель Тёмных Земель, ваш супруг — лорд Мортеус Мрачный. Он погиб вчера в битве со Светлым Орденом. Вы были при этом, вы вели войска. Но в решающий момент Светлый Паладин Эдвин нанёс удар, который испепелил Повелителя, и вы упали рядом. Мы думали, вы мертвы. Но вы живы. Похоже, вам повезло.

Каждое слово обрушивалось на меня, как каменные плиты. Супруг? Повелитель? Битва? Светлый Паладин? Я — бариста Анна из Москвы, и единственная моя битва была с кофемашиной, которая постоянно засорялась. И вдруг я — Равенна Мрачная, тёмная владычица, жена какого-то Мортеуса, который к тому же уже мертв и, судя по всему, испепелён дотла.

— В смысле — испепелили? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — То есть его совсем нет?

Скелет печально (насколько может быть печальным череп) кивнул.

— Куча пепла, госпожа. Мы собрали её в урну, как вы и просили. Урна стоит в малом зале на каминной полке. Рядом с вашим портретом.

Я села на кровати, свесив ноги. Они тоже были не мои — длинные, тонкие, обутые в бархатные туфли с загнутыми носками. Вокруг кровати висели тяжёлые шторы, сквозь щели которых пробивался тусклый свет — похоже, за окнами был не день, а вечный сумрак. Мебель — массивная, тёмная, резная, с драконами и черепами. На стене висел герб: чёрная роза на фоне перекрещённых мечей. В углу стояло зеркало в позолоченной раме, и я боялась посмотреть в него, потому что уже догадалась, что моё лицо — тоже не моё.

— Послушай, — сказала я скелету, стараясь говорить спокойно, — у меня ужасная головная боль. И, кажется, я немного… не помню всего. Как тебя зовут?

Скелет поклонился опять:

— Барни, госпожа. Я ваш управляющий и старший слуга. Служу вам и вашему супругу уже… — он задумался, — сто сорок три года, кажется. Считая с того дня, когда Повелитель поднял меня из могилы для работы по хозяйству.

— То есть ты — зомби? — переспросила я, чувствуя, как реальность начинает крошиться, как песочное печенье.

— Скелет, госпожа. Зомби — это те, у кого есть плоть. Она гниёт и создает неудобства. А я — сухие кости, мне практичнее. Я могу передвигаться бесшумно, не нуждаюсь в еде и сне, и от меня нет запаха, только лёгкий аромат тления, если долго стоять в сырости. — Он гордо приосанился. — А ещё я знаю тридцать пять способов открыть бутылку вина, если у вас отсохли пальцы.

Я застонала и закрыла лицо ладонями. Это сон. Это точно сон. Просто я отравилась карамельным сиропом, у меня галлюцинации, и сейчас я очнусь в больнице под капельницей.

— Барни, — сказала я, — принеси мне зеркало. Большое зеркало. Я хочу посмотреть на себя.

Скелет поклонился, подошёл к углу и ловко развернул то самое большое зеркало в раме, пододвинув его к самой кровати. Я подняла глаза.

Глава 1.1

В зеркале сидела не я.

В зеркале сидела бледная, как смерть, женщина лет двадцати пяти с густыми чёрными волосами, спадающими на плечи, с точеными чертами лица, острым подбородком и глазами такого насыщенного фиалкового цвета, что они казались искусственными. На ней было чёрное платье, расшитое серебряными нитями, которое обнажало плечи — бледные, с едва заметными шрамами, похожими на следы от когтей. Губы были пухлыми, но цвета переспевшей вишни, а на лбу, чуть выше переносицы, тускло мерцал маленький чёрный кристалл, вросший прямо в кожу.

Я смотрела на это лицо, а оно смотрело на меня с тем же выражением шока и непонимания. Я дотронулась до щеки — и в зеркале та же рука с длинными пальцами коснулась той же скулы.

— Госпожа, — осторожно спросил Барни, — с вами всё в порядке? Вы так смотрите… как будто впервые себя видите.

— Барни, — сказала я, не отрывая взгляда от зеркала, — скажи мне честно. Я умерла? Вот прямо сейчас — я жива или я в том мире, где жизнь только кажется?

Скелет задумался, почесал череп фалангой и ответил:

— Вы живы, госпожа. В смысле, ваше тело дышит, сердце бьётся, магия пульсирует. Но вы правы — вы выглядите так, будто только что пережили смерть. Или воскрешение. Я слышал, что такое бывает, когда тёмная сила возвращает человека с того света, но вы никогда не теряли сознание надолго, обычно на час-другой. А сегодня вы были в отключке целую ночь и утро. Это тревожно.

Я повернулась к нему — теперь уже без зеркала, потому что смотреть на чужое лицо было невыносимо.

— Барни, я не помню, кто я. Я не помню ни этого тела, ни этой жизни, ни того, как я стала тёмной владычицей. Я помню, как умерла — но я умерла в другом мире, захлебнувшись кофе. И теперь я здесь.

Скелет несколько секунд молчал. Его челюсть слегка приоткрылась, как будто он хотел что-то сказать, но потом закрылась. Затем он снова заговорил, и в его костяном голосе послышалась нотка участия (это было странно — сочувствие от скелета, но приятно):

— Госпожа, такое бывает. В нашем мире есть множество способов потерять память — проклятия, удары по голове, магический откат. Возможно, когда Паладин Эдвин ударил по вашему супругу, часть заклинания задела и вас, стёрла вашу память. Но ваша душа, ваша суть — вы всё та же. Я уверен. Вы даже ненавидите ту же самую еду и любите тот же самый тёмный юмор. Вчера вы, падая, успели крикнуть что-то про «дурацкий белый плащ», который висел у вас в гардеробе. Похоже, вы всё ещё вы.

— Барни, — прошептала я, — а кто я вообще была? Что я должна делать? Где мы? И что мне теперь делать с этим… телом?

— Вы — Равенна Мрачная, тёмная владычица, вторая по силе после вашего супруга (царствие ему небесное, хотя скорее преисподнее), управляете Замком Пепельного Ветра, территорией в тридцать девять деревень и семью тёмными лесами. Ваши обязанности — собирать налоги с подданных, вершить тёмное правосудие, охранять границы от светлых рыцарей и, э-э… — он замялся, — быть злой. Вы очень хорошо это умеете. Я бы даже сказал, профессионально.

Я снова вздохнула.

— А что, если я не хочу быть злой?

Барни опешил. Он даже перестал клацать челюстью.

— Не хотите? Но это же ваша суть, госпожа! Вы родились тёмной, вы выросли в Тёмном Дворце, вы учились у лучших некромантов и проклинателей. Вы уничтожили три города и превратили в лягушек двух герцогов. Это… это ваша репутация.

— Значит, я была той ещё стервой, — сухо заметила я. — Отлично. А теперь я — бариста, которая знает только, как сварить правильный эспрессо. Что мне делать с этими налогами? И с подданными? Я понятия не имею, как быть «злой».

— Тогда… — Барни задумался, — может быть, вам стоит прилечь и отдохнуть? Я принесу вам отвар из корней мандрагоры, он укрепляет нервную систему.

— Нет, — сказала я, вставая с кровати. Ноги дрожали, но я удержалась на них, схватившись за резной столбик балдахина. — Я не могу валяться. Мне нужно понять, что здесь происходит. Где мой замок, где моя кофейня… — я осеклась. Чёрт, в этом мире нет кофеен. Или есть?

— Барни, у нас есть кофе? — спросила я, вдруг ощутив лютую, почти физическую тягу.

Скелет наклонил череп.

— Кофе? Вы имеете в виду чёрный порошок, который варят южные люди? Мы не держим его в замке. Повелитель считал, что он убивает вкус к тёмным ритуалам. Но, кажется, в кладовой есть мешок с какими-то зёрнами, конфискованный у купца-контрабандиста лет сто назад. Он там пылится. Если хотите, я поищу.

— Тащи сюда, — скомандовала я. — Если я не выпью кофе, я, возможно, устрою конец света прямо сейчас. Без магии, только на нервах.

Барни быстро поклонился и застучал костями по каменному полу, удаляясь. Я осталась одна в этой тёмной спальне, пытаясь переварить информацию.

Итак, я — Равенна Мрачная, тёмная владычица, жена мертвеца, владелица замка и тридцати девяти деревень. Я умерла в Москве от кофе, а теперь воскресла здесь, не помня ни правил магии, ни своего прошлого, ни того, как быть злодейкой. Моя единственная надежда — Барни, скелет-управляющий, и мешок с подозрительными зёрнами.

«Как это вообще возможно? — думала я, глядя на свои руки. — Почему я не умерла окончательно? Может быть, это тот самый магический мир, о котором я читала в книгах? Но я не хотела попадать сюда. У меня была кофейня, постоянные клиенты, я собиралась взять кредит и расшириться. А теперь я — тёмная владычица, которая не умеет даже зажечь свечу без спичек».

В этот момент я заметила, что на прикроватном столике, рядом с кувшином, который принёс Барни, лежит какая-то толстая книга в чёрной коже с серебряным зажимом. Она выглядела старой, потёртой, и от неё пахло ладаном и тленом. На обложке не было названия, но в центре был вытиснен символ — перевёрнутая роза, обвитая шипами.

Я протянула руку и коснулась книги. В тот же миг она открылась сама собой, и на первой странице проступили слова, выведенные красными чернилами, которые светились в полумраке:

«Приветствую тебя, Равенна. Я твой Дневник. Не бойся — я здесь, чтобы направлять тебя. А твой первый приказ прост: уничтожь кота, который живёт на чердаке. Кот мешает магическому потоку. Исполнишь — получишь награду. Не исполнишь — пеняй на себя. И не вздумай прятаться за кофе. Я всё вижу.»

Я уставилась на эти слова, и внутри меня медленно, но неумолимо зрела мысль: я не просто попала в магический мир. Я попала в ту самую ловушку, где даже утренние распоряжения отдаёт говорящая книга. И она почему-то хочет, чтобы я убила кота.

«Идиотская ситуация, — подумала я, закрывая дневник с громким хлопком. — Придётся сначала разобраться с этой книгой, а потом уже варить кофе. А может, я сначала кофе, а потом книгу. Всё-таки кофе важнее».

И тут дверь в спальню снова скрипнула, и я услышала бодрый стук костей — Барни возвращался с мешком, который явно был до краёв наполнен чем-то, что пахло надеждой. А я, бывшая Анна, будущая (пока ещё) не-вредительница котов, сделала глубокий вдох и решила, что даже если я не знаю, как тут всё устроено, я точно знаю, как сварить напиток, который пробудит мёртвых. Хотя бы в переносном смысле.

В конце концов, какая разница, кто ты — владычица тьмы или бариста, если у тебя есть зерна, вода и желание жить? А остальное приложится.

Глава 2

Барни ввалился в спальню с такой грацией, будто всю жизнь только и делал, что вносил в покои мешки с конфискатом. Правда, его скелетная конструкция слегка скрипела, а череп он держал чуть набок, чтобы не задеть косяк.

— Госпожа, я принёс! — провозгласил он, водружая мешок на пол. От удара из горловины вырвалось облако пыли, которое повисло в воздухе, подсвеченное багровыми рунами на потолке. Я чихнула — на удивление, этот чих прозвучал аристократически-изящно, как будто даже рефлексы у моего нового тела были откалиброваны на благородство.

— Открывай, — скомандовала я, чувствуя, как в груди начинает пульсировать что-то похожее на надежду. Барни ловко развязал верёвку, и на каменный пол высыпалась куча маленьких тёмно-коричневых зёрен, перемешанных с какой-то трухой и, кажется, с останками моли.

Я опустилась на колени прямо в своём чёрном бархатном платье и запустила пальцы в эту массу. Зёрна были старые, высохшие, кое-где покрытые плесенью, но они пахли... кофе. Настоящим, настоящим кофе. Этот запах, даже сквозь вековую пыль, пробивался как голос из прошлого, и у меня защипало в глазах.

— Барни, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал, — это чудо. Это лучшее, что я видела в этом мире.

— Но они же старые, госпожа, — осторожно заметил скелет. — Там даже червячки завелись. Я бы на вашем месте не рисковал.

— Ты не понимаешь, — прошептала я, бережно собирая несколько зёрен в ладонь. — Кофе не портится. Кофе ждёт своего часа. Кофе — это вечность, просто ты её не заварил.

Барни захлопал челюстью, но промолчал. Видимо, он уже понял, что спорить с госпожой, которая смотрит на старые зерна как на бесценное сокровище, бесполезно.

— У нас есть кофемолка? — спросила я, вставая и стряхивая с платья мусор. — Или что-нибудь похожее?

— Кофемолка? — Барни задумался, поскрёб фалангой затылок. — Я знаю, что на кухне есть каменная ступка, где раньше перетирали кости для ритуалов. Она, наверное, подойдёт. А воду я могу нагреть... у нас есть вулканический источник в подвале, он всегда кипит.

— Идеально, — сказала я. — Веди меня на кухню.

Мы вышли из спальни в длинный тёмный коридор, освещённый факелами с зелёным пламенем. Стены были сложены из грубого тёсаного камня, по которым время от времени пробегали блики, похожие на живые тени. В воздухе витал запах сырости, плесени и ещё чего-то едва уловимого, что я не могла идентифицировать. Барни стучал костями впереди, указывая путь.

— Какой у нас замок, Барни? — спросила я, стараясь запомнить каждую развилку. — Большой? Есть ли у нас соседи, слуги, налоги?

— Замок Пепельного Ветра, — начал он с гордостью, — построен на древнем вулканическом щите. В нём сорок семь комнат, три подземных уровня, темница на пятьдесят камер, тронный зал, малый зал, кухня, библиотека, оружейная, две башни и, разумеется, склеп для почётных предков. Что касается слуг — сейчас остались только я, старый горгулья на главных воротах (он уже лет двести не двигался) и, кажется, пара призраков на чердаке. Но они сами по себе, в чужие дела не лезут. Налоги... — он замялся. — Здесь сложнее. После того как Повелитель Мортеус пал, многие деревни перестали платить дань. Они думают, что мы ослабли. И, по правде, они правы — ваша магия, госпожа, тоже была слабее обычного, когда вы очнулись.

— Магия? — я остановилась. — У меня есть магия?

— Ну конечно, госпожа! Вы же тёмная владычица. Или вы и это забыли? — Барни развернулся и посмотрел на меня пустыми глазницами, но в них мне почудилось нечто похожее на беспокойство. — Вы можете призывать тени, управлять огнём, читать мысли слабых существ и даже проклинать врагов. Правда, сейчас, без тренировки, у вас может не получиться. Но я уверен, что всё вернётся.

Я подняла руку и сосредоточилась. Попыталась представить, как на ладони загорается огонёк или как из углов выползают тени. Ничего. Только лёгкое покалывание в кончиках пальцев, будто они затекли. Я разочарованно вздохнула.

— Ладно, с магией потом. Сначала кофе.

— Вы очень упёртая, госпожа, — заметил Барни, и в его голосе послышалось нечто похожее на уважение.

Кухня оказалась огромным, мрачным помещением с низким сводчатым потолком, в центре которого стояла каменная плита, покрытая слоем сажи. В углу зиял чёрный зев очага, где до сих пор тлели какие-то угли. На стенах висели котлы, сковороды и связки сушёных трав (или это были лапы животных? — я решила не всматриваться). Всё выглядело так, будто последний раз здесь готовили во времена Средневековья, и никто не убирал с тех пор.

Я огляделась и нашла в углу ту самую ступку — тяжёлую, из тёмного мрамора, с выбитыми на ней рунами. Барни объяснил, что раньше здесь растирали кости призрачных ящеров, но после тщательной чистки она должна подойти.

— Давай сюда зёрна, — сказала я, закатывая рукава. Барни принёс горсть зёрен, и я принялась их растирать. Было тяжело — рука привыкла к другой нагрузке, но я справилась, превратив старые зёрна в грубый, неоднородный порошок. Запах разлился по кухне, и я почти физически почувствовала, как напряжённые мышцы начинают расслабляться.

— Теперь вода, — велела я. — Тот самый кипящий источник.

Барни подвёл меня к небольшому люку в полу. Он открыл его, и оттуда пахнуло паром и серой. Я наклонилась — внизу, в глубине, бурлила тёмная вода, поднимавшаяся из недр. Я зачерпнула её старым глиняным кувшином и поставила на плиту. Минут через десять жидкость закипела, и я залила ею молотый кофе в другой ёмкости — глиняной плошке.

Процесс варки был примитивным, но я знала, что даже в таких условиях можно получить нечто сносное, если подождать, дать настояться и потом аккуратно слить. Я ждала, глядя, как вода окрашивается в тёмно-коричневый цвет, как на поверхности выступает пенка, пахнущая горечью и жизнью.

— Готово, — сказала я через пять минут. Я разлила напиток в два глиняных стакана — один себе, другой Барни, но он вежливо отказался, заметив, что у него нет желудка, а жидкость просто выльется на пол. Я пожала плечами и сделала первый глоток.

Это было невероятно. Несмотря на старость зёрен, несмотря на архаичный способ заваривания, в напитке чувствовалась та самая нотка, которая делала утро добрым, а день — сносным. Конечно, это был не мой любимый латте с карамелью и не эспрессо из профессиональной машины. Это было ближе к варёному кофе с привкусом серы и истории, но я пила его, как нектар.

— Госпожа, — осторожно начал Барни, когда я отставила пустую чашку, — а что вы собираетесь делать с Дневником? Он ведь дал вам приказ.

Я вздрогнула. Дневник. Кот. Проклятая книга, которая уже успела испортить мне утро.

— А что насчёт кота? — спросила я. — Где он, этот чёртов кот?

— На чердаке, госпожа. Там живёт старый чёрный кот, которого Повелитель приютил лет пятьдесят назад. Он всегда был вредный, царапал слуг, портил свитки, но Повелитель к нему привязался. Теперь, когда хозяин пал, кот остался. И он действительно может мешать магическим потокам, как написано в Дневнике. Но убить его... — Барни покачал черепом. — Это будет не очень гуманно, особенно для тёмной владычицы.

— Я и не собираюсь его убивать, — сказала я решительно. — Я вообще не убиваю котов. Я их люблю. У меня в Москве был рыжий толстяк по имени Мартин, который спал на мешках с кофе и считал, что я работаю для него.

— Москва? — переспросил Барни. — Это где-то на юге? Я не знаю таких земель.

— Долгая история, — отмахнулась я. — Давай лучше подумаем, как обмануть Дневник. Он требует убить кота, но я могу сделать вид, что убила. Скажем, я вышвырну кота из замка, а Дневнику доложу, что он мёртв. Или принесу ему кусок шерсти и скажу, что это трофей.

Барни наморщил череп (было забавно наблюдать, как кости на его лице двигаются, образуя подобие выражения).

— Рискованно, госпожа. Дневник чувствует ложь. Он магический артефакт, созданный самим Повелителем для контроля над вами. Он знает, когда вы говорите правду, а когда нет. Если вы его обманете, он может наказать вас.

— Наказать? Как?

— Он вырвет страницу, — просто ответил Барни. — Каждая страница — часть вашей жизни. Если он вырвет одну, вы можете потерять память, или здоровье, или чувство вкуса. Или что-то более важное.

Я сглотнула. Это уже было серьёзно. Я не хотела становиться овощем, который забыл вкус кофе, — это было бы хуже смерти.

— Ладно, — сказала я, — тогда нужно придумать что-то другое. Например, я могу взять кота, сделать вид, что собираюсь его убить, а потом... спрятать. Пусть он живёт где-то в другом месте, а Дневник думает, что его нет.

Барни с сомнением покачал черепом.

— Попробуйте. Но я предупреждаю — кот не простой. Он чувствует магию и может сам убежать, если заподозрит неладное. И тогда Дневник поймёт, что вы его не убили.

— А что, если я отнесу Дневнику вместо кота что-то другое? — у меня начало зарождаться безумное решение. — Например, кучу пепла и скажу, что это кот.

— Это слишком глупо, госпожа. Дневник видит сквозь вас. Он связывается с вашим сознанием.

— Чёрт с ним, — сказала я, вставая. — Пойду на чердак, познакомлюсь с котом. Может быть, мы договоримся.

Глава 2.1

Барни проводил меня до лестницы, которая вела наверх, в башни. Он предупредил, что ступени скрипят и некоторые могут провалиться, так что я шла осторожно, держась за каменные стены. Поднималась я довольно долго — замок оказался огромным, и чердак находился почти на самом верху, под самой крышей.

Наконец я добралась до низкой деревянной двери, обитой ржавым железом. Она была приоткрыта, и изнутри доносилось тихое урчание. Я толкнула дверь и вошла.

Чердак оказался просторным, но заваленным хламом: старые сундуки, сломанные стулья, связки пыльных книг, паутина, висящая гирляндами. А в центре, на старом потёртом ковре, восседал кот. Он был большим, чёрным, с жёлтыми глазами, которые смотрели на меня с выражением, которое я могла прочитать как: «Ну, наконец-то ты пришла, мелкая».

— Привет, — сказала я, присаживаясь на корточки. — Меня зовут Равенна. А ты, я слышал, бездомный кот, который мешает магии. Как тебя зовут?

Кот моргнул. И вдруг я услышала в своей голове голос — глубокий, с лёгкой хрипотцой, как у старого курильщика:

«Меня зовут Люцифер. И я не мешаю магии, я питаюсь ею. А ты, я вижу, совсем не та Равенна, которая была раньше. Что-то в тебе сломалось».

Я отшатнулась и чуть не упала на спину. Кот говорил! Мысленно, но отчётливо.

— Ты... ты умеешь разговаривать? — выдавила я.

«А ты думала, простой кот будет сидеть в замке тёмного владыки? — усмехнулся Люцифер. — Я — фамильяр. Я был привязан к Повелителю Мортеусу. Теперь, когда его нет, я свободен, но всё ещё живу здесь. И твой Дневник хочет меня убить, потому что я блокирую его воздействие на тебя. Он хочет полного контроля. Но я тебя предупреждаю — если ты меня тронешь, я устрою такую магическую бурю, что замок развалится».

Я смотрела на чёрное чудовище и чувствовала, как внутри меня нарастает дикий восторг. Этот кот — не просто кот, он фамильяр, он союзник! И он тоже хочет противостоять Дневнику.

— Я не собираюсь тебя убивать, — сказала я твёрдо. — Я хочу тебя спрятать. Чтобы Дневник думал, что ты мёртв. Ты поможешь мне?

Люцифер лениво потянулся, показывая острые когти.

«Помогу, если ты дашь мне кофе. Взамен. Я тоже люблю этот напиток, но Повелитель запрещал. Он считал, что это испортит мой нюх».

Я рассмеялась. Вот это поворот — кот-фамильяр, который торгуется за чашку кофе.

— Договорились, — сказала я, протягивая руку. Люцифер с достоинством понюхал мои пальцы, затем боднул их головой, оставляя на коже чёрную шерсть.

— Тогда план такой, — начала я, присаживаясь на пол рядом с ним. — Мы притворимся, что я тебя убила. Я возьму кусок твоей шерсти, смешаю с пеплом, принесу Дневнику и скажу, что дело сделано. А ты пока спрячешься в подземелье или в той комнате, где никто не ходит. Ты же можешь незаметно перемещаться?

«Могу, — кивнул кот. — Я тень. Я могу проходить сквозь стены. Но не дай Дневнику дотронуться до тебя в момент лжи — он прочитает твои мысли. Держи дистанцию».

— Отлично, — я встала, отряхивая платье. — Тогда вечером я принесу тебе чашку. А сейчас ты исчезай, я придумаю, как обмануть книгу.

Люцифер бесшумно спрыгнул с ковра и растворился в тенях под балками. Я осталась одна, чувствуя лёгкое головокружение от только что произошедшего. Говорящий кот, книга, которая хочет мной управлять, скелет в фартуке и куча налогов... Жизнь, определённо, перевернулась с ног на голову.

Я спустилась на первый этаж, заглянула в малый зал, где на каминной полке стояла та самая урна с прахом Мортеуса. Она была чёрной, с серебряной гравировкой, и от неё веяло холодом. Я остановилась на пару секунд, глядя на неё, и подумала: «Бедный Мортеус. Ты даже не знаешь, что твоя жена теперь бариста и заговорщица против собственной книги». И от этой мысли мне стало одновременно грустно и смешно.

Я взяла урну, высыпала из неё немного пепла в мешочек, который нашла тут же на полке, и добавила туда клок чёрной шерсти, который успела выдернуть из ковра там, где сидел кот. Затем завязала мешочек и направилась в спальню, где на столе всё ещё лежал Дневник.

Он был закрыт, но, когда я подошла, он открылся сам собой, и на странице проступили новые слова:

«Ты была на чердаке. Я чувствую запах кота. Ты выполнила приказ?»

Я вздохнула, села на край кровати, положила мешочек перед книгой и сказала вслух (потому что решила, что ложь лучше звучит, когда она произносится чётко):

— Кот мёртв. Я принесла тебе доказательство — пепел и шерсть. Он больше не будет мешать магии.

Дневник несколько секунд молчал. Чернила на его страницах начали пульсировать, как живой пульс, и наконец он вывел:

«Ты лжёшь. Я чувствую твой страх и твою хитрость. Но сейчас я прощаю тебя, потому что ты новичок. Но запомни — если я ещё раз поймаю тебя на обмане, я вырву страницу твоей радости. И ты больше никогда не почувствуешь вкуса кофе».

У меня похолодело внутри. Это была не просто угроза — это было обещание. Книга знала мою слабость и била по ней.

— Я поняла, — тихо сказала я, закрывая Дневник. — Больше не буду лгать.

Но мысленно я добавила: «Я просто буду более хитрой. И научусь обманывать тебя с умом».

За окном сгущался вечер. Замок погружался во тьму, и где-то в коридорах завывал ветер. Я осталась одна, с книгой, с прахом бывшего мужа и с тайным союзником-котом. Всё только начиналось.

Глава 3

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво долбился в дверь. Нет, не кто-то, а что-то — ритмичный стук костяшек по дереву звучал как барабанная дробь, которую невозможно игнорировать.

— Госпожа! Госпожа, вы проснулись? — донёсся голос Барни. — У нас проблемы! Большие проблемы!

Я села на кровати, попыталась сориентироваться в пространстве. Тёмный балдахин, руны на потолке, урна с прахом на полке — нет, это не сон. Это моя новая жизнь. Я вздохнула и крикнула:

— Входи, Барни. И не стучи так громко, у меня голова раскалывается.

Дверь отворилась, и в спальню вкатился скелет с таким видом, будто он только что увидел армию мертвецов. Хотя, учитывая его профессию, он сам был частью армии мертвецов, так что поводов для паники было немного.

— Госпожа, Дневник! Он снова открылся! — провозгласил Барни, протягивая мне чёрную книгу. Я взяла её с опаской — она была тёплой на ощупь, как будто внутри горел маленький огонь.

Я раскрыла её на первой странице, и там уже красовались новые слова, выведенные свежими красными чернилами:

«Доброе утро, Равенна. Ты хорошо спала? А я нет — я всё думал о том, как ты меня обманула. Но сегодня у тебя новый шанс искупить свою вину. Задание: разрушь деревню Кленовую. Сожги дома, отрави колодцы, преврати жителей в жаб. Сделай это до заката, или я вырву страницу твоей смелости. И тогда ты будешь бояться собственной тени. С любовью, твой Дневник».

Я прочитала это вслух, и Барни, казалось, побледнел ещё сильнее (хотя куда уж бледнее скелету).

— Госпожа, это серьёзно. Кленовая — одна из самых больших деревень в ваших землях. Если вы её разрушите, подданные взбунтуются, и налоги мы не соберём никогда.

— А если я не выполню приказ, Дневник вырвет страницу, и я стану трусливой овцой, которая боится даже мышей, — парировала я. — Или, что ещё хуже, потеряю вкус кофе.

— Кофе — это ваше всё, госпожа, — печально согласился Барни.

Я встала и прошлась по комнате. Платье было всё то же, вчерашнее, но мне было не до гардероба. Мысль крутилась вокруг одной идеи: как перехитрить книгу, не разрушая при этом жизни людей?

— Барни, а что там за деревня Кленовая? Там живут люди? Злые? Добрые? Может быть, они сами хотят, чтобы их разрушили?

— О нет, госпожа, там живут обычные крестьяне. Они выращивают пшеницу, разводят кур, пекут хлеб. Они платили налоги Повелителю, пока он был жив. Теперь они, конечно, задержали платежи, но это из-за страха, а не из-за злого умысла.

— Значит, они боятся нас, — резюмировала я. — Отлично. Значит, им нужен не разрушитель, а тот, кто их успокоит. И одновременно — тот, кто принесёт им пользу.

Я остановилась и щёлкнула пальцами.

— Барни, я придумала. Я не буду разрушать деревню. Я поеду туда и предложу им сделку.

— Сделку? — Скелет наклонил череп, явно не понимая.

— Да. Я предлагаю им защиту от других врагов, безопасность и, главное, кофе. Я научу их варить кофе, а они будут платить нам налоги не страхом, а добровольно. Если Дневник требует «разрушить», я разрушу их представления о том, что тёмный владыка — это всегда зло. Я разрушу стереотипы!

Барни задумался, потирая фалангу о фалангу.

— Хитро, госпожа. Но Дневник требует физического разрушения. Он же не принимает метафоры.

— Посмотрим, — сказала я, направляясь к выходу. — Сначала я попробую договориться с книгой. Если не выйдет — буду искать другие пути. Но я не буду убивать невинных людей или сжигать их дома.

Я схватила Дневник, открыла его на новой странице и, взяв перо, лежащее рядом (старое, с обломанным кончиком, но всё ещё пригодное), написала под его приказом:

«Дорогой Дневник. Я не могу разрушить Кленовую. Но я могу разрушить там атмосферу страха. Я поеду в деревню и сделаю так, чтобы жители больше не боялись Тьмы. Вместо разрушения я предложу им кофе и защиту. Это тоже разрушение — разрушение их предрассудков. Надеюсь, ты поймёшь. С уважением, Равенна».

Я закрыла книгу и затаила дыхание. Ничего не произошло. Через минуту я снова открыла её — на странице проступили новые строчки:

«Ты остроумна, но нагловата. Я согласен на замену, но с условием: если до заката жители Кленовой не примут твоё предложение и не заплатят налоги за последние три месяца, я всё равно вырву страницу. И если ты не принесёшь мне «доказательство» их доброй воли, я накажу тебя. Решено. Исполняй».

Я выдохнула с облегчением. Это был маленький, но очень важный шаг. Дневник пошёл на уступки — значит, с ним можно торговаться.

— Барни, — сказала я решительно, — готовь повозку. Мы едем в Кленовую. А пока… где у нас хранятся деньги? Мне нужно что-то, чем можно расплатиться за товары, или хотя бы за то, чтобы жители начали нам доверять.

Барни замялся.

— Госпожа, у нас… финансовый кризис. Казна замка пуста. Повелитель потратил последнее золото на наёмников для битвы. Остались только старые монеты в подвале, но они почти ничего не стоят — на них выбит герб прежнего короля, который свергли лет триста назад.

Я мысленно застонала. Мало того, что я тёмная владычица с потерей памяти, так ещё и банкрот.

— Отлично, — сказала я с мрачной усмешкой. — Значит, мы будем брать талантом. Или, точнее, кофе. У нас есть те старые зёрна, которые я вчера нашла. Я могу сварить кофе и предложить его жителям как знак доброй воли. Это будет дешевле, чем раздавать золото.

— Вы думаете, крестьяне оценят кофе? — удивился Барни. — Они привыкли к пиву и травяным отварам.

— Кофе — это универсальный язык, — сказала я, чувствуя, как внутри просыпается тот самый азарт, который я испытывала в своей московской кофейне. — Даже если они никогда его не пробовали, они его полюбят. Поверь мне.

— Хорошо, госпожа, я запрягу повозку. Какую одежду вы наденете? У вас есть несколько тёмных плащей, которые подходят для поездок.

— Только не тёмные, — сказала я. — У меня есть что-то светлое? Чтобы не выглядеть как смерть с косой?

Барни почесал череп.

— В гардеробной есть серебряное платье с синей отделкой. Оно принадлежало вашей матери, но вы его ни разу не надевали. Слишком… радостное для тёмной владычицы.

— Отлично, подавай его, — скомандовала я. — Сегодня я буду не тёмной владычицей, а кофейной феей.

Через час я стояла у ворот замка, одетая в серебристо-синее платье, которое сидело на мне идеально, даже несмотря на то, что не было сшито по моей мерке. В руках я держала глиняный горшок с горячим кофе, завёрнутый в тряпицу, чтобы не остыл, и мешочек с молотыми

зёрнами. Рядом стоял Барни с поводьями — в его костяных пальцах они смотрелись жутковато, но я решила не обращать внимания.

— Поехали, — сказала я, запрыгивая в повозку, которая была не лучше грузовой телеги, но на колёсах. Лошадь, которая была запряжена, выглядела такой же старой и потрёпанной, как замок, но она хотя бы двигалась.

Глава 3.1

Дорога до Кленовой заняла около часа. Я успела рассмотреть свои владения — серые поля, чахлые деревья, несколько заброшенных хижин. Когда мы подъехали к деревне, я увидела около двадцати домов, сложенных из тёсаного камня, с соломенными крышами. В центре стоял колодец, а вокруг него суетились крестьяне — мужчины в грубых рубахах, женщины в тёмных платках.

При виде нашей повозки все замерли. Кто-то выронил ведро, кто-то перекрестился. На лицах застыл страх, смешанный с любопытством.

Я слезла с повозки, одёрнула платье и громко сказала, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно, несмотря на хрипотцу, оставшуюся от тела Равенны:

— Здравствуйте, жители Кленовой! Не бойтесь! Я ваша новая владычица, Равенна Мрачная. Я приехала не с войной, а с подарком.

Крестьяне переглянулись. Один из них, пожилой мужчина с седой бородой, вышел вперёд и спросил:

— А где Повелитель Мортеус? Говорят, он пал в битве.

— Да, он пал, — честно ответила я. — Но я здесь. И я не хочу быть вашим врагом. Я хочу быть вашей союзницей.

Я вынула из телеги горшок с кофе, откинула тряпицу, и по деревне разлился аромат — тёплый, густой, с нотками горечи и земли.

— Что это? — спросила женщина с ребёнком на руках, принюхиваясь. — Пахнет… вкусно.

— Это кофе, — сказала я. — Напиток, который бодрит, согревает и дарит силы. Я привезла его вам, чтобы вы попробовали. А заодно — чтобы поговорить о налогах.

При слове «налоги» лица вытянулись. Сельский староста, тот самый бородатый мужчина, нахмурился.

— Мы задолжали за три месяца, госпожа. У нас не было урожая, нечем платить. Мы не хотели вас обидеть, но…

— Я знаю, — перебила я. — Поэтому я предлагаю сделку. Вы платите налоги не деньгами, а… зерном. Или работой. Я открываю кофейню в замке, и мне понадобятся поставки зерна, яиц, молока, мяса. Всё это вы можете поставлять мне в счёт налогов. А я в замен даю вам защиту и, главное, обучу вас варить этот кофе, чтобы вы могли продавать его соседним деревням и зарабатывать.

Тишина. Затем раздался гул голосов — крестьяне начали переговариваться. Староста подошёл ко мне, взял протянутую мной кружку с кофе, отпил глоток, закашлялся, потом удивился:

— Горько… но приятно. И бодрит. Да, госпожа, это интересное предложение. Мы согласны попробовать. Но… как нам быть с теми, кто откажется?

— Если кто-то откажется, я не буду наказывать, — сказала я твёрдо. — Я просто не буду защищать его в случае нападения. Но я надеюсь, что все согласятся.

Через час я уже сидела за столом у старосты, пила травяной чай и обсуждала условия поставок. Барни стоял рядом, записывал всё мелом на доске (рукописные свитки в замке почти закончились). Жители постепенно подходили, пробовали кофе — сначала с опаской, потом с интересом, и некоторые женщины даже попросили рецепт.

— Я научу вас всему, — пообещала я. — И тогда ваша деревня станет первой кофейной деревней в Тёмных Землях.

К закату я вернулась в замок с чувством выполненного долга. Дневник лежал на столе в спальне, и я открыла его, затаив дыхание. На странице появилась надпись:

«Ты выполнила задание. Жители согласились платить налоги. Но ты не разрушила ничего материального, только их страхи. Это меня не совсем устраивает, но я засчитываю тебе это как успех. Пока. Но следующее задание будет сложнее. Готовься, Равенна. И не забудь — я всё вижу».

Я закрыла книгу и рухнула на кровать, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. Завтра придёт новый день, новые приказы и новые проблемы. Но сегодня я выиграла маленькую битву.

И где-то в подземелье, в тенях, тихо урчал чёрный кот Люцифер, дожидаясь своей обещанной чашки кофе.

Глава 4

Проснулась я от того, что кто-то вставлял мне в глазницы ватные палочки — по ощущениям. За окном было не утро, а просто промежуток между ночью и более серой ночью. Череп перестал напоминать мяч для гольфа, в который только что забили, но тело всё ещё ощущалось как костюм, сшитый на слона, а надетый на хомяка.

Я села, хрустнула шеей (звук был такой, будто я открывала банку с маринованными огурцами), и покосилась на Дневник. Он лежал на тумбочке, притворяясь безобидной книжкой, но я знала, что он следит за мной даже сквозь сны. Оставила его в покое — пусть досматривает свои злые фантазии, а мне нужно было найти Барни и приступить к выполнению главной миссии: превратить этот склеп в точку общепита.

Скелета я нашла в малом зале, где он с увлечением натирал урну с прахом Мортеуса до состояния полированного зеркала. Учитывая, что прах был внутри, а полировка снаружи, зрелище было сюрреалистичным, но я уже привыкла.

— Барни, — сказала я, — хватит наводить блеск на бывшего мужа. У нас есть более важное дело: сегодня мы открываем кофейню.

— Сегодня? — переспросил он, откладывая тряпку. — Но у нас нет ни столов, ни стульев, ни даже нормальной дверной ручки.

— Это детали, — отмахнулась я. — Где здесь можно организовать заведение, чтобы и демоны не боялись заходить, и клиенты не ломали ноги о ступеньки?

Барни почесал затылок фалангой и предложил старую зелейную в подземелье. Спустились мы туда по лестнице, каждая ступенька которой пела свою песню — от скрипа до пронзительного стона. Зал оказался огромным, с камином, который дышал последним жаром, и стенами, покрытыми вековой копотью. Я оглядела это великолепие и почувствовала, как во мне просыпается тот самый барменский зуд.

— Идеально, — сказала я. — Призраки умеют мыть полы?

— Ещё как, — заверил Барни, и через пять минут в подземелье уже порхали две прозрачные фигуры, с энтузиазмом сметая пыль. Они пели странную песню про ушедшие души, но я решила не вмешиваться — у каждого свои методы мотивации.

Через три часа зелейная превратилась в нечто среднее между харчевней и ведьминой кухней. Камин разгорелся, на стеллажах красовались глиняные кружки (некоторые с отколотыми краями, но вполне рабочие), а в углу я разместила импровизированную барную стойку — старую каменную плиту, где когда-то растирали ингредиенты для зелий.

— Теперь вывеска, — сказала я Барни, протягивая ему доску. — Напиши: *«Капучино на костях Повелителя. Вход — плата золотом, выход — с улыбкой. Светлых рыцарей не обслуживаем, но можем сделать латте с собой».*

Скелет выжег это огнём, и когда табличка появилась над дверью, я почувствовала, что это уже не просто замок — это мой маленький бизнес.

Я сварила первую пробную партию из старых зёрен. Аромат поплыл по залу, и даже призраки зависли на мгновение, вдыхая его с ностальгией. Я отпила глоток — вкус был землистым и дерзким, как сама эта реальность.

Вспомнив о Люцифере, я плеснула кофе в мисочку и отправилась в башню. Кот спал на сундуке, свернувшись в калачик, но при моём появлении приоткрыл жёлтый глаз.

«Принесла?» — спросил он мысленно, даже не вставая.

— Только попробуй сказать, что он горький, — пригрозила я, ставя мисочку перед носом фамильяра.

Люцифер лизнул, затем ещё раз, потом начал пить с явным удовольствием. Когда он закончил, он облизнулся и выдал:

«Неплохо. Мало сахара, много наглости. Мне нравится. Ты скоро станешь лучшей ведьмой-бариста в этих землях».

— Спасибо, — сказала я. — Но ты говорил об инквизиторе. Он уже близко?

«Почти. Он вчера был в Кленовой, расспрашивал крестьян про новую хозяйку. Но твоя стратегия с налогами его озадачила — он не понимает, как можно быть тёмной владычицей, которая не грабит, а торгует. Думаю, он скоро нагрянет с проверкой, и лучше тебе быть готовой.»

Я кивнула, и внутри меня сжалось что-то, похожее на испуг, но я подавила это чувство. Инквизитор — всего лишь человек в блестящих доспехах, а у меня в запасе кофе и острый язык.

Вернувшись в зал, я села за стойку и стала ждать клиентов. Минуты тянулись, как патока, и я уже подумывала выпить вторую порцию для храбрости, когда дверь скрипнула и на пороге появился гоблин. Маленький, с зелёной морщинистой кожей и большими ушами, которые двигались независимо друг от друга.

— Это правда, что здесь варят тот самый дурманящий напиток? — спросил он, косясь на вывеску. — Торговцы болтают, что новая хозяйка сошла с ума и вместо проклятий варит зелье бодрости.

— Правда, — улыбнулась я. — Садись, я налью тебе чашку за счёт заведения.

Гоблин взобрался на табурет (подложил под себя старую подушку — он был ростом с моего колена) и с опаской взял протянутую кружку. Я добавила туда ложку мёда, чтобы смягчить горечь. Он отпил, и его глаза расширились до размера блюдец.

— Святые угодники! Это же лучше, чем зелье радости, которое продают в столице за три золотых! У меня во рту танцует огонь, а в голове проясняется!

— Это капучино, — важно сказала я. — Если хочешь, я научу тебя делать такое же, и ты сможешь продавать его в своей деревне. Но сначала расскажи, что слышно про инквизитора. Он уже на подходе?

Гоблин замахал руками.

— Да он уже почти у ворот, госпожа! Вчера он ночевал в Кленовой и всех опрашивал, но крестьяне в один голос твердили, что ты добрая и даже дала им рецепт. Он не знает, что думать. Говорят, он даже попросил попробовать тот кофе, но у них ничего не получилось — они пережгли зёрна.

— Идеально, — сказала я. — Тогда у меня есть шанс. Если он придёт, я угощу его лучшим латте в его жизни. А если попытается арестовать — скажу, что он нарушает санитарные нормы.

Гоблин захихикал, допил свою кружку и оставил на столе монет — щедрую. Уходя, он пообещал привести друзей из соседней шахты.

Я осталась одна, и Дневник на стойке раскрылся сам по себе, высветив новые строки:

«Отлично, Равенна. Один клиент — ты справилась. Но к завтрашнему вечеру их должно быть не меньше десяти. Я считаю. Если нет — прощай, твоя удача. Она мне очень пригодится».

Я закрыла книгу и усмехнулась. «Десять клиентов? — подумала я. — Да я завтра очередь из гоблинов и троллей организую. А если этот инквизитор рискнёт сунуться, то и он станет моим постоянным посетителем — или умрёт от передозировки кофеина. Что бы ни случилось, я не дам Дневнику вырвать ни страницы, ни удачи. У меня есть кофе и наглость — а это лучшее оружие в этом мире».

Глава 5

— Вы предлагаете инквизитору, который испепелил вашего мужа, выпить с вами кофе?

Я не дрогнула. Улыбнулась той самой улыбкой, которую оттачивала на наглых клиентах, требовавших скидку после того, как я уже закрыла кассу.

— А что, вы предпочитаете яд? У меня есть и такой, но он без пенки.

Эдвин де Варг стоял в центре моего двора, заложив руки за спину, и его стальные глаза прощупывали меня насквозь — будто я была не живым человеком, а книгой, которую он уже прочитал до конца и теперь проверял, нет ли пропущенных страниц.

Светлые волосы, серебряные доспехи, лёгкие, облегающие мускулы. Меч за спиной, но рука на его рукоятке не лежит — он не дурак, он знает, что в моём замке он не главный. И всё равно он держался так, будто это он здесь хозяин.

— Вы необычная тёмная владычица, — сказал он после паузы, во время которой я успела мысленно пересчитать всех гоблинов, которые могли стать свидетелями его визита.

— Я необычная. Обычные давно сидят в своих склепах и ждут, пока герои придут их добивать. А я пришла варить кофе. Это, знаете ли, продуктивнее.

Барни за моей спиной стучал костями так часто, что я боялась, он вот-вот развалится на составные части. Я бросила ему одобрительный взгляд и шепнула краем губ:

— Держи челюсть. И не клацай, когда я говорю.

— Я попробую, — проскрежетал он в ответ, вжимаясь в стену.

Эдвин проследил за моим взглядом, увидел скелета, и вместо того чтобы обнажить меч или осенить себя святым знаком, он просто чуть приподнял бровь.

— Ваш управляющий выглядит... аутентично.

— Это Барни. Он у меня за главного бариста. У него череп греется лучше любого живого, — сказала я, разворачиваясь и жестом приглашая его войти в замок. — Идёмте, я покажу вам, где мы варим кофе. Если вы всё ещё хотите проверить, не пытаюсь ли я вас отравить.

— Я проверю в любом случае, — ответил он, переступая порог. — Но не потому, что я подозреваю вас. А потому что я инквизитор. Это профессиональная деформация. Как у вас — тяга к кофеину.

Он улыбнулся. Быстро, едва заметно, но я уловила тень той улыбки, и у меня внутри что-то кольнуло — не от страха, а от странного чувства, что в этом мире есть хотя бы один человек, который не смотрит на меня как на гниющую тварь.

— Барни, подай свет, — сказала я, спускаясь в подземелье. — И смотри, чтобы призраки не пугали нашего дорогого гостя. Инквизитор заслуживает спокойного дегустационного опыта.

— Я постараюсь их утихомирить, — прошелестел скелет, и я даже не поняла, шутит он или всерьёз.

Когда мы вошли в зелейную, переделанную в кофейню, Эдвин остановился и медленно оглядел помещение. Камин горел, кружки стояли ровными рядами, а запах свежего кофе уже начал вытеснять из воздуха сырость и плесень.

— Уютно, — признал он. — И странно. Обычно здесь пахнет смертью, а у вас — жареными зёрнами.

— Смерть плохо сочетается с молоком, — парировала я, насыпая молотый кофе в котелок и заливая кипятком из вулканического источника. — Она делает пенку кислой. А вот кофе — он никогда не подводит.

— Вы философствуете, как бармен, — заметил он, садясь за столик и аккуратно положив руки на стол — ладонями вниз, словно готовый в любой момент схватить оружие.

— Я и есть бармен. Бывший. Или нынешний. В этом мире всё относительно.

— Что вы знаете о вашем мире? — спросил он, и в его голосе промелькнуло что-то более глубокое, чем обычное любопытство. — Я проверил вашу репутацию в Кленовой. Крестьяне говорят, что вы были добры к ним, что вы принесли им кофе, а не проклятия. Это не похоже на вас. На старую вас.

— А вы не думаете, что я просто захотела измениться? — спросила я, ставя перед ним кружку с латте.

— Думаю, — сказал он, беря кружку и делая глоток. — И поэтому я здесь.

Он пил медленно, и на его лице не отражалось ничего, кроме лёгкого удивления, когда он опустил кружку.

— Это... это не яд.

— Спасибо, я в курсе.

— Это вкуснее, чем яд. И бодрит. Я чувствую, как по телу расходится тепло. Вы колдовали над этим?

— Только моя душа и моя совесть, — сказала я, улыбаясь. — И щепотка корицы.

Эдвин смотрел на меня несколько мгновений, и я видела, как в нём борется профессионал и просто человек. Профессионал искал угрозу, человек чувствовал, что перед ним — не враг.

— Я вернусь завтра, — сказал он, вставая. — Я принесу вам свежие зёрна из южных земель. Те, которые у вас в кладовке, — они старше моего отца. Но у вас есть талант. Я хочу попробовать, что вы сделаете с хорошим сырьём.

— Вы приносите зёрна — я варю вам латте. И мы не убиваем друг друга. Договорились?

Он кивнул, и на прощание слегка коснулся рукояти меча — не угрожающе, а почти ритуально, как будто говорил себе: «Пока ты нужна мне живой».

— До завтра, госпожа Равенна.

— До завтра, инквизитор.

Он вышел, и я замерла у стойки, глядя ему вслед. Барни вывалился из тени, в которой прятался, и уставился на меня с ужасом.

— Госпожа, вы только что пригласили инквизитора на дегустацию.

— Да. И он согласился.

— Вы влюблены.

— Я? — я фыркнула. — Я влюблена в кофе. Он просто его приносит. А теперь — готовь кружки. Скоро у нас будет не один постоянный клиент, а целый инквизитор. Это много звёзд на репутацию.

— И много бед, — проворчал скелет, но я не стала спорить.

Я взяла Дневник. Он раскрылся на новой странице, и там было написано:

«Ты встретила врага. Ты не убила его. Ты пригласила его завтра. Это неосторожно, но... интересно. Посмотрим, что выйдет. А пока — завтра у тебя будет десять клиентов. Если не будет — вырву страницу. И, возможно, это будет страница, где ты помнишь, как он улыбнулся».

Я закрыла книгу и прошептала в пустоту:

— Тогда я буду помнить его улыбку. И не отдам её тебе, даже если ты вырвешь всю книгу до конца.

Глава 6

— Десять? — переспросил Барни, когда я озвучила ему задание. — Десять клиентов за один день? Госпожа, мы будем рады, если в нашу кофейню заглянет хотя бы один живой, а не призрак.

— Барни, — сказала я, наливая себе вторую порцию эспрессо, чтобы глаза открылись шире, чем обычно, — у нас есть гоблин-сарафанное радио, есть инквизитор, который обещал зёрна, и есть репутация тёмной владычицы, которая по слухам сошла с ума и раздаёт бесплатный кофе. Если это не привлечёт народ, то я не знаю, что привлечёт. Может, танцующий скелет?

Он задумался, почесал череп фалангой и выдал:

— Я умею танцевать канкан. Но только если у меня есть палка.

— Запомню, — сказала я, ставя кружку и выходя в зал. — А сейчас — открываемся. И если за первый час никто не придёт, я лично пойду в деревню и притащу за уши всех, кто дышит.

Я отворила дверь подземелья, которая выходила прямо во двор, и водрузила на видное место меловую доску с надписью: *«Сегодня — первая дегустация. Кофе бесплатно для первых десяти смельчаков. Или безумцев. На ваш выбор».*

Первый клиент пришёл через пятнадцать минут. Им оказался тот самый гоблин из прошлого раза — он привёл с собой двух приятелей с такими же большими ушами и острыми зубами. Они расселись за столиком и заказали три капучино. Я вздохнула с облегчением — три готово, осталось семь.

Следом за гоблинами заглянул старый тролль, который, как выяснилось, был часовым у соседнего моста. Он заказал самый горький вариант, какой у меня был — я плеснула ему чистый эспрессо без сахара и молока. Тролль сделал глоток, у него выступили слёзы (или это был пот — у троллей сложно разобрать), но он допил и потребовал добавки. Четыре.

К обеду пришли две ведьмы из ближайшего леса, они прослышали про «чудодейственный напиток» и решили проверить, не замешан ли я в конкуренции с их зельями. После первой чашки они забыли о своих подозрениях и начали обсуждать, как добавить в латте грибную пыльцу для усиления магии. Я пообещала им пробную партию завтра. Шесть и семь.

К трём часам в кофейню ввалился отряд гномов-шахтёров, которые искали место, где можно согреться после смены. Их было пятеро, но я честно записала только троих, потому что двое уже были пьяны в стельку и просто рухнули на пол. Я дала им по кружке капучино, и через минуту они уже спали счастливыми снами. Десять.

К вечеру я была выжата как лимон, моя рука устала помешивать, а голова гудела от запаха кофе и гоблинских историй. Барни еле держался на ногах (точнее, на костях), и мы уже собирались закрываться, как в дверь постучали.

Я открыла. На пороге стоял Эдвин. С мешком свежих зёрен в руке.

— Я обещал принести, — сказал он, кивая на мешок. — И хочу проверить, сколько клиентов вы обслужили.

— Десять, — ответила я с вызовом. — ровно десять. Если не считать тех, кто просто лежал на полу и дышал пеной.

— Я насчитал двенадцать, — спокойно заметил он, заходя внутрь и оглядывая зал. — Двое гномов спали. Но они пили. Это считается.

— Если ты инквизитор, зачем тебе считать моих клиентов? Ты проверяешь налоговую отчётность или мою магию?

— И то, и другое, — ответил он с той же холодной улыбкой. — Но в основном — я проверяю, способна ли ты держать слово. Ты сказала, что будешь делать кофе, а не войну. Ты делаешь. Пока что ты проходишь тест.

Он высыпал зёрна на стойку, и я чуть не задохнулась от запаха. Это была магия в самом чистом виде — свежие, ароматные, тёмные, с маслянистым блеском, какого я не видела даже в Москве.

— Это... это с юга? — спросила я, не веря своим глазам.

— Из Эфирианских нагорий. Там их обжаривают на вулканическом пепле. Они хранят магию тепла. Только не добавляй в них молоко — они могут взорваться.

— Надо попробовать, — сказала я, мгновенно забыв об усталости, и схватила горсть зёрен.

— Завтра, — сказал Эдвин, перехватывая мою руку. Его прикосновение было прохладным, но не ледяным. — Ты устала. Видно по глазам. И по твоему скелету, который сейчас упадёт.

Барни действительно стоял на грани катастрофы — его челюсть клацала в такт дыханию, которого у него не было.

— Хорошо, — сдалась я. — Завтра я сварю первый кофе из твоих зёрен. И ты будешь моим главным дегустатором.

— Договорились, — кивнул он, и у двери обернулся. — Но предупреждаю: я приду рано. До твоих десяти гоблинов. И я хочу латте с корицей.

Он вышел, и я рухнула на стул. Барни опустился рядом, как мешок костей.

— Госпожа, вы только что подписались на завтрашнее испытание. Инквизитор будет пить ваш лучший кофе. А что, если он решит, что это магия, и сожжёт нас всех?

— Тогда я залью его кипятком и скажу, что он просто перегрелся, — отмахнулась я. — Барни, ты слишком волнуешься. В конце концов, если он хотел меня уничтожить, он бы не принёс зёрна. Он бы принёс меч. А он принёс кофе. Это о чём-то говорит.

— О том, что он хочет вас проверить на вкус, — проворчал скелет, но я решила не вдаваться в его намёки.

Я подошла к Дневнику, который лежал на стойке, открыла его. На странице светились новые строки:

«Десять клиентов. Ты справилась. Я не вырву страницу. Но ты была слишком добра к одному из них. К инквизитору. Он — враг. Ты не должна позволять ему пить кофе из твоей чашки. Но я ещё подумаю, как тебя наказать за это. А пока — задание на завтра: найди способ заставить его платить за каждую чашку. Не зря же он носит золотые монеты».

Я закрыла книгу и повернулась к Барни:

— Угадай, что Дневник хочет завтра?

— Чтобы вы продали инквизитору кофе за тройную цену?

— Почти. Он хочет, чтобы я не была с ним доброй. Но я уже была доброй. И я не собираюсь брать с него плату.

— Это война, госпожа. Дневник не прощает.

— Тогда я объявлю Дневнику войну, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает опасный азарт. — Он хочет, чтобы я была злой? Я буду злой. Но на своих условиях.

И я улыбнулась, глядя на мешок с южными зёрнами. Завтра я сварю латте, которое перевернёт представления этого мира о кофе. И если Дневник попытается мне помешать — я вылью этот латте на его страницы. Посмотрим, как он это переварит.

Глава 7

Зёрна пахли так, что у меня свело скулы.

Я стояла за стойкой, сжимая в ладони горсть тех самых эфирианских зёрен, которые Эдвин притащил вчера, и пыталась понять, с какой стороны к ним подступиться. Они были тёмными, маслянистыми, с лёгким фиолетовым отливом — как будто впитали в себя немного вулканической лавы и звёздной пыли.

— Если я их пережгу, он меня убьёт, — сказала я Барни, который застыл в углу с подносом.

— Если вы их не пережжёте, он может попросить добавки, — ответил скелет. — А это хуже.

— Почему хуже?

— Потому что тогда он начнёт ходить к нам каждый день. И Дневник взбесится окончательно.

Я посмотрела на Дневник, который лежал на стойке, притворяясь обычной книгой. Я знала, что он следит за каждым моим движением, и что внутри него уже зреет новый приказ, который он выплюнет в самый неподходящий момент.

Но сейчас у меня была другая задача — не облажаться перед инквизитором.

Я взяла ступку, засыпала горсть зёрен и начала растирать их с такой яростью, будто они были моими врагами. Через минуту по подземелью поплыл запах — густой, шоколадный, с нотками дыма и карамели. Даже призраки на чердаке зашевелились от аромата.

— Госпожа, — сказал Барни, принюхиваясь, — у меня нет носа, но я чувствую, что это что-то великое.

— Это потому, что запах проникает в твои костные поры, — ответила я, заливая молотый кофе кипятком из вулканического источника. — Сейчас я покажу тебе, что такое настоящий кофе. Не тот, что мы пили вчера, а тот, от которого даже мёртвые встают.

— Я уже стою, — заметил Барни.

— Тогда просто наслаждайся.

Я варила кофе с чувством, с толком, с расстановкой. Каждое движение было отточено годами работы в московской кофейне — даже если эта память принадлежала не моему телу, моя душа помнила всё: угол наклона чашки, температуру воды, время настаивания. Я добавила щепотку корицы, каплю мёда и, на секунду задумавшись, каплю своего вдохновения. Или, возможно, гордости.

Когда я разлила напиток по кружкам, в зал вошёл Эдвин.

Он был без доспехов. Просто в тёмной рубашке и чёрных штанах, с мечом на поясе, но без плаща. Он выглядел более человечным, более уязвимым, и это меня насторожило.

— Вы не боитесь, что я нападу на безоружного инквизитора? — спросила я, подавая ему кружку.

— Я не безоружен, — ответил он, слегка касаясь рукояти. — Но сегодня я пришёл не воевать. Я пришёл пить.

— Тогда садитесь и наслаждайтесь.

Он взял кружку, поднёс к лицу, вдохнул. Глаза его слегка расширились.

— Это... это не просто кофе. Это магия.

— Это просто хорошие зёрна и хорошее настроение, — ответила я, садясь напротив. — Пейте. И скажите мне правду. Я умею принимать критику. Даже если она звучит как смертный приговор.

Он сделал первый глоток. Замер. Отпил ещё. Поставил кружку на стол и посмотрел на меня с выражением, которое я не могла расшифровать — смесь удивления, уважения и лёгкого, почти незаметного страха.

— Это лучший кофе, который я пробовал за свою жизнь, — сказал он тихо. — Я пил его в столице, в южных портах, у самого императорского двора. Но такого... такого я не пил никогда.

— Я польщена, — сказала я, стараясь сохранить невозмутимость, хотя внутри меня танцевали гоблины с бубнами.

— Вы не просто бариста, госпожа Равенна. Вы художник, который работает с огнём и водой.

— А вы, инквизитор, — парировала я, — вы первый, кто понял это.

Мы сидели друг напротив друга, и между нами, на столе, стояла кружка с дымящимся латте. В этом моменте было что-то странно интимное — как будто мы заключили перемирие на время, пока кофе не остынет.

Но Дневник не дремал.

Он лежал на стойке, и я чувствовала его пульсацию — злую, требовательную. Я отошла к стойке, приоткрыла книгу и прочитала новый приказ:

«Ты слишком добра с ним. Прекрати это. Заставь его заплатить. Вдвое больше обычной цены. Если он откажется — вырву страницу. Если он заплатит — ты выиграешь один день без наказания. Но ты не должна любить его. Ты не должна даже смотреть на него как на человека. Он — враг. И если ты забудешь это, я напомню тебе болью.»

Я закрыла книгу и повернулась к Эдвину. Он всё ещё пил кофе, с наслаждением, и не обращал внимания на мои метания.

— Инквизитор, — сказала я, подходя к нему. — У меня к вам деловой разговор.

— Да? — он поднял глаза.

— Кофе стоит денег. Не для того чтобы я разбогатела, а чтобы Дневник отстал от меня. Если вы заплатите, я буду свободна от приказов на день.

— И сколько я должен заплатить?

Я назвала сумму, которая была в два раза выше обычной. Он усмехнулся, вынул из кармана золотую монету и положил на стол.

— Это покрывает мою чашку и ещё несколько вперёд, — сказал он. — Я хочу пить ваш кофе каждое утро. Пока я здесь.

— Вы собираетесь остаться? — спросила я, чувствуя смешанные чувства.

— Да. Я хочу убедиться, что вы не представляете угрозы. И что ваши зёрна не вызовут восстания в соседних деревнях. А если вы будете варить такой кофе — я, возможно, задержусь надолго.

Он встал и направился к выходу, но у двери обернулся.

— И, госпожа Равенна... если вы когда-нибудь захотите избавиться от этого Дневника, я могу помочь. У меня есть опыт в уничтожении магических артефактов. Просто скажите.

Он вышел, и я осталась стоять с золотой монетой в руке. Барни подлетел ко мне.

— Госпожа, он предлагает помощь! Это ловушка!

— Может быть, — сказала я. — Но он заплатил. И он сказал, что хочет пить мой кофе. Это уже победа.

В этот момент Дневник раскрылся сам собой, и на странице засияли слова:

«Ты взяла плату. Хорошо. Я не вырву страницу. Но запомни: если ты позволишь ему помочь тебе, я убью тебя. Не страницей, а магией. Ты всё ещё моя, Равенна. Не забывай.»

Я захлопнула книгу и посмотрела на Барни.

— Он сказал «я убью тебя», — тихо повторила я. — Впервые он угрожает мне напрямую.

— Это потому, что вы близко подошли к истине, госпожа. Инквизитор может помочь вам уничтожить Дневник. Но Дневник этого боится.

— Тогда мы должны действовать быстро, — сказала я. — Барни, завтра я приглашаю Эдвина на разговор. И мы обсудим план.

— Вы у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.